Сидорова Ирина

Твой свет доходит до меня

12+

Ирина Васильевна Сидорова

Твой свет доходит до меня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42652391
SelfPub; 2019

Аннотация

В новой книге Ирины Сидоровой – зарисовки, очерки и эссе, которые публиковались на страницах газеты «Правды Севера» в 2013-2015 годах.

Содержание

Какая была у вас колыбельная? 4
Дом на улице Серафимовича 9
Эта связь через наши сердца. 15
Вальс в ритме дождя 23
И легла мне на душу песня 28
Радио – любовь моя 34
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Какая была у вас колыбельная?

Задел за живое случайно услышанный по телевизору и такой неожиданный вопрос. «Какая колыбельная была у Гагарина? А какая колыбельная была у вас?» Наверное, у многих моих ровесников Юрий Гагарин был кумиром детства и юности. Стоит только услышать это имя, как в душе начинают звучать самые сокровенные струны. А какая же колыбельная была у нас, детей 60-х? И видится мне, освещенная луной комната в нашем старом деревянном доме на углу Поморской. Я, маленькая, лежу в кроватке, над которой висит любимый коврик с мишками – «Утро в сосновом лесу». Глаза мои закрыты. И сквозь чуткую дрёму слышу я бабушкин голос поёт:

Спи, дитя моё, усни,
Сладкий сон к себе мани.
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла…

Чувствую, как морозная свежесть и запах снега наполняет комнату. Это мама вносит с улицы дрова для двух печек, чтобы до утра они просохли и бабушке легче было растопить печку.

… Совсем недавно я спросила своего взрослого сына; помнит ли он колыбельную, которую я пела ему когда-то?

Да, конечно, с улыбкой ответил сын. Я была приятно удивлена, услышав далекое и не забытое до сих пор:

У кота ли у кота
Колыбелька золота.
У дитяти моего
Да получше, чем у него…

Наши мамы и бабушки, да и мы, ещё совсем молодые не были знакомы с современными высказываниями психологов о благотворном воздействии на ребенка материнского голоса, поющего колыбельную. Просто продолжали веками сложившиеся традиции. Здесь кстати будет вспомнить семейные концерты, столь популярные в России XVIII-XIX веках. Пение и игра на музыкальных инструментах были тогда одним из любимых занятий в долгие зимние вечера. Музицировали и женщины, ожидающие ребенка. Может быть поэтому, дети в семьях, где часто звучала музыка, рождались и росли более спокойными и гармоничными. Мне посчастливилось быть свидетелем яркого, незабываемого эпизода. Он как раз попадает в тему, затронутую здесь.

Было это несколько лет назад. Мы с сыном отдыхали в одном подмосковном пансионате. Вечерами все желающие скидывались по десятке водителю автобуса, и он возил нас на концерты, которые проходили Мозженке, в Доме культуры ученых РАН, расположенном в десяти минутах езды от нашего пансионата. В эти дни там проходил фестиваль камерной музыки. Так вот, в тот вечер выступал известный струн-

ный квартет имени Глинки. А вместе с квартетом во втором отделении концерта под аплодисменты зрителей вошла, нет, – я вилась очаровательная молодая женщина в дивном наряде огненно-красного цвета. Зал замер в тихом восторге. И только несколько мгновений спустя я заметила, что к роялю подходит… беременная женщина! Причем уже где-то в преддекретном сроке. Это была пианистка Виктория Корчинская-Коган. Внучка гениального Леонида Когана, являющая третье поколение легендарной семьи известных всему миру музыкантов.

В Архангельск приезжали с концертами Ярославского симфонического оркестра Леонид и Павел Коганы. Позже – их внук и сын Дмитрий. Мне выпало огромное наслаждение слушать их концерты. И с вполне понятным интересом я шла на концерт Виктории. Она играла так самозабвенно, с такой страстью и темпераментом, что всё её сильное молодое тело сотрясалось от мощных мажорных аккордов. Признаюсь, меня не покидала тревога: не повредит ли такая сильная эмоциональная и физическая нагрузка её будущему ребенку? Но это была родная стихия звуков, которая на генетическом уровне в этой семье переходит из поколение в поколение! И питает гениев раньше материнского молока, ещё до появления их на белый свет. Мать Виктории Нина Леонидовна Коган, замечательная пианистка, с двенадцати лет выступавшая в концертах с отцом, сидела рядом и переворачивала ей страницы партитуры. Быть может, и она, когда

ждала рождения дочери, выступала с концертами?! Не потому ли Виктория стала виртуозной пианисткой? Ведь ребенок во чреве матери всё слышит и впитывает все впечатления внешнего мира. И это нередко определяет его судьбу.

В тот вечер, вернувшись с концерта в пансионат, я долго не могла заснуть. Сидела на балконе. В душе продолжала звучать дивная музыка. И оживал прекрасный образ беременной женщины в одеянии цвета алой зари. И отзывались эти впечатления радостями и болями сокровенных материнских чувств, дорогих воспоминаний. Не заметила, как начался сильный дождь. Тихо, стараясь не скрипеть балконной дверью, я вошла в наш двухместный номер. Свернувшись клубочком, как раннем детстве, сын спал, положив ладонь под голову. И глядя на него, вдруг вспомнила я ещё одну колыбельную-молитву негритянской матери за чадо своё. Её поведал в одном из своих интервью замечательный режиссёр Владимир Спиваков. Да так, что она запомнилась мне раз и навсегда.

«Поздним вечером, когда на небосводе зажигаются яркие звезды, женщина качает своего маленького сына и напевает: Я люблю тебя. И буду любить тебя всегда». Проходит время и вот уже сын стал тинэйджером. Он носит вызывающую прическу и от него пахнет дешевыми сигаретами, он сквернословит и грубит матери. Но когда поздно ночью, вернувшись с очередной тусовки, он засыпает, чуть успев положить голову на подушку, мать тихонько, чтоб не разбудить его, подходит

к кровати сына и поёт: «Я люблю тебя. И буду любить тебя всегда». Но вот ещё проходит немало лет. Мать уже старая и больная. Она всё так же любит сына, но не может встать с постели и подойти к нему… А у сына уже своя семья. И вечером, когда на небе зажигаются звезды, сын подходит к кровати старой матери и, убедившись, что всё хорошо, берет на руки свою маленькую дочурку, выходит с ней на балкон и, глядя в звездное небо, качает ребенка на своих сильных руках. И тихонько говорит дочке: «Я люблю тебя. И буду любить тебя всегда…»

Теперь мне кажется, что это и моя тоже колыбельная матерей всех времён и народов. Ведь есть такая русская пословица: «Мать носит ребенка под сердцем девять месяцев. А потом в своём сердце – всю жизнь.

Дом на улице Серафимовича

Одно из моих любимых мест в городе –улица Серафимовича, от Троицкого до Чумбарова-Лучинского. Причем та её сторона, что начинается зданием архангельского лесничества, которое в 1983 году было сдвинуто на 20 метров вглубь квартала. Я любовалась, проходя мимо, его гармоничными пропорциями. Но стоял на этой улице, да и теперь он есть, заветный дом с мезонином и высоким шпилем над крышей. Дом, к которому я летела как на крыльях.

Вот и теперь многие годы спустя, когда иду я мимо чудом уцелевших с моего детства, крепких деревянных домов, и старые тополя приветливо шелестят листвой, всё видится мне, будто из дома с мезонином выходит седая как лунь женщина, благородного облика, в изящной шляпке с вуалью, непременно в перчатках. Её темное, строгое платье украшает цветной крепдешиновый шарф, скрепленный на груди красивой брошью. Всегда элегантная, она идет по улице легкой не по годам, походкой. Эту женщину знали в Архангельске все, кто так или иначе был связан с музыкой, у них и теперь её имя вызывает трепет преклонения. – Александра Ивановна Воскресенская, преподаватель музыкальной школы №1 по классу фортепиано. Любимая ученица известного композитора Майкапара, аристократка по духу и происхождению, человек энциклопедических знаний, владеющая пя-

тью иностранными языками, она отличалась редкой душевной теплотой и щедростью. Благодаря ей, моей учительнице, я на всю жизнь усвоила: чем интеллигентней человек, тем меньше он подвержен высокомерию, тем проще он в общении, с учениками, коллегами. Мало сказать, что она была моей учительницей музыки. Она стала кумиром моего детства. Не экранным или эстрадным, как это было у моих сверстниц. Но живым близким человеком.

Помню её чуткие руки, закутывающие меня, восьмилетнюю малышку в пуховый платок поверх шапки и шубейки, завязав его концы на спине. В те зимы стояли сильные морозы. И никто из младших учеников Воскресенской не уходил с занятий домой, не пройдя её личного «дресс-контроля».

… Вспоминается один эпизод. Мне было лет восемь-девять. Я сижу в длинном, тускло освещенном коридоре старого здания первой музыкальной школы. Жду, когда Александра Ивановна закончит занятие с одним из её учеников и пригласит меня в класс. На мне старенькие валенки, они насквозь промокли. Ноги замерзли. Мне холодно… Чувствую, как «мурашки» озноба пробегают по спине. А из класса доносятся звуки пьесы «На тройке. Ноябрь» из «Времен года» Чайковского. Музыка настолько точно эмитирует бег тройки по морозному заснеженному полю, и звон колокольчика под дугой, что от этих выразительных звуков мне становится ещё холодней… Но вот, наконец на пороге класса появляется Александра Ивановна. Её лицо всегда спокойное, словно

озарено каким-то внутренним светом. От него идет тепло. Я прохожу к роялю, беру первые аккорды. Учительница касается моих, холодных как ледышки, рук и вздрагивает: «Что с Вами?» Она всех учеников, от мала до велика, называла «на Вы». Я заплакала, и призналась в своей беде… А у рояля под моими валенками уже растекалась грязная лужица… И тут Александра Ивановна берёт меня за руку и ведёт в канцелярию: «Екатерина Александровна, – обращается она к секретарше, будьте так любезны, напоите эту юную особу горячим чаем. А сама тем временем протягивает мне большую шоколадную конфету, вроде «Гулливера», «чтобы чай был слаще».

У Воскресенской в работе с детьми был любимый приём. Когда она чувствовала, что ученик утомился и его надо встряхнуть, она давала шоколадную конфету и просила пройтись до канцелярии, посмотреть на часы что висят на стене и сообщить ей, точное время. Рассказывают, что Воскресенская в голодные военные годы подкармливала своих учеников, конечно же не только конфетами…

Но вернемся к эпизоду с мокрыми валенками. Когда вернулась я в класс, напившись горячего чая, учительница вместо урока, отправила меня домой. И посоветовала хорошенько прогреться. Нет, ванны у нас тогда не было в деревянном доме с печным отоплением. Её заменил потогонный отвар из сушеной малины. Склонная в детстве к простудам, на сей раз я не заболела.

Своих учениц Александра Ивановна часто приглашала на занятия к себе домой. Она давала уроки музыки и тем детям, которые по нездоровью или бедности не могли посещать музыкальную школу. Помню с каким трепетом я всякий раз подходила к дому на Серафимовича. В комнате Воскресенской царствовал рояль. И был невообразимый «лирический беспорядок». Всюду – нотные альбомы, книги, журналы, газеты на иностранных языках. Стены комнаты украшены картинами художников и модными тогда вышивками в рамках под стеклами. И живые цветы от благодарных учеников.

Когда-то, в этой квартире, где жили сестры Воскресенские, Александра и Зинаида, часто собиралась «творческая элита» Архангельска. Здесь бывал и Степан Григорьевич Писахов и многие другие известные в городе художники, музыканты. Летом из открытых окон мезонина, где жили сёстры, разливались прекрасные звуки, и долго звенели над домами, доносились до самой набережной…

Александра Ивановна дарила каждому, кто посещал её, забытую ныне «роскошь человеческого общения». К ней тянулись, её навещали даже те, кто давно покинул Архангельск. Почти всякий раз, когда я приходила к любимой учительнице, у неё уже сидели гости, бывшие ученицы. Мы всегда находили общий язык.

Давно закончила я музыкальную школу и мои занятия в доме на Серафимовича прекратились. Но за годы учения и человеческого общения с Александрой Ивановной у меня

сложилась привычка ходить к её дому перед экзаменом. Из школьных лет привычка перешла на студенческие годы. Это была дорога загаданных желаний и надежд на удачу. В институте, особенно в летнюю сессию, когда за окном белые ночи тянут и манят куда-то, так трудно сосредоточиться на подготовке к экзамену. Сказывается утомление конца учебного года…

И вот однажды, успев подготовить только десять из двадцати пяти билетов, я закрыла учебники и отправилась на вечернюю прогулку к дому моего кумира. Мысленно просила Александру Ивановну послать мне завтра удачу, которую, быть может, я не заслужила… Чудо или совпадение, но я вытянула билет из тех десяти, которые, были хорошо подготовлены…

В другой раз я выучила всего семь билетов! И вытащила седьмой! Это было на моей последней студенческой сессии. А потом, уже после института, когда моя не избалованная счастьем жизнь, преподносила один за другим, скорей удары, чем экзамены, опять по старой привычке стала я ходить к заветному дому на улице Серафимовича. И всякий раз любимая учительница, верней, вера в её благодать помогала мне сохранить спасительную надежду.

И вот уже совсем недавно меня со страшной силой потянуло к старому дому с мезонином. Я шла к нему просто так, ничего не загадав.

Но неожиданно трепет восторга охватил меня! Всего в

нескольких метрах от заветного дома, на перекрестке улицы Серафимовича и Чумбарово-Лучинского, появилась скульптура русским женщинам работы Сергея Сюхина. Мне показалось, что неслучайно памятник возник именно в этом месте, возле дома А. Воскресенской. И пусть совсем несхожи внешне скульптурный образ женщины за прялкой и моя преподавательница музыки. Но по сути своей поморская крестьянка, хранительница семейного очага, и учительница, согревающая теплом своей души, сотни детишек, обе они в равной мере – хранительницы глубинных душевных черт русской женщины.

Эта связь через наши сердца.

Я расскажу вам о любви Самой главной в моей жизни. Моё сокровенное чувство совпало сегодня с большими надеждами многих людей в нашей стране: в ней наступил год Литературы. А ведь она и есть – моя единственная любовь – навсегда.

…Всё начиналось в школе, на уроках литературы Тамары Борисовны Перевязкиной.

Это было какое-то волшебство. Когда она начинала говорить в классе о произведениях Пушкина, Тургенева или Толстого, у нас, её учеников, вдруг проходила головная боль, согревались промокшие ноги. А когда она читала стихи, весь класс замирала от восторга.

Из окон её кабинета русского языка открывался самый красивый в городе вид на сквер с памятником Петру I, безбрежные просторы Северной Двины и мачты кораблей у Красной Пристани. Всё это тоже настраивало на творческую волну во время классных сочинений или размышлений о литературных героях. Наши беседы нередко переходили в диспуты. Тамара Борисовна умела донести до нас человеческую суть Онегина, Печорина, Чацкого. Эти «типичные представители» русского дворянства XIX века вдруг становились живыми людьми, чем-то очень близкими нам.

Из уроков моей любимой учительницы я вынесла на всю

жизнь. Русская литература – это литература любви и просветленного сострадания. Это обостренная совестливость и глубокий интерес к жизни души человека. Моя замечательная учительница передала мне свою любовь к волшебной поэзии Александра Блока. Вижу, словно сейчас, Тамару Борисовну, статную, с вдохновенным лицом. Слышу её глубокий, проникающий прямо в сердце, голос. Она читает своё любимое стихотворение «Скифы» Блока:

«В последний раз – опомнись, страшный мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

Когда я перечитываю эти пронзительные строки, поражает, что написаны они поэтом-пророком ровно 120 лет назад, в январе 1895 года. Но как актуально звучат они сегодня, когда мир задыхается от вражды и злобы, когда в самом центре Европы пылает огонь братоубийственной войны. И не видно конца людским бедам и страданиям.

В 60-е годы века минувшего в нашей старейшей в Архангельске четвертой школе, «лирики» были в почете. Литературные вечера, в которых участвовали все классы, остались в памяти наших выпускников на всю жизнь. Наверное, немалую роль в «гуманитарном» уклоне школы сыграло то, что её директором была учительница русского языка и литературы Лина Андреевна Крупцова.

В 60-е годы по всей нашей стране процветала поэзия. «Са-

мое страшное – жить без кумира!»– произнесла с киноэкрана героиня Татьяны Дорониной в гениальном фильме Натансона «Ещё раз про любовь». Так вот, кумирами всей нашей молодежи были поэту Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский и Роберт Рождественский. Эта великолепная «птица-тройка» уносила нас в новый, неведомый мир.

Их голоса звучали в огромных залах и на стадионах больших городов. В Архангельск приезжал в 1968 году Владимир Высоцкий. Его живой голос звучал в залах АЛТИ и Дома офицеров. Ах, как жаль, что не знали наши сверстники, что в эти 1964-66 годы в нашей северной глубинке в деревне Норинская Коношского района отбывал свою ссылку «запрещенный» гениальный поэт Иосиф Бродский. Сегодня историческая справедливость восторжествовала. И в Архангельской области появилась ещё одна «вселенская точка» притяжения.

И снова я возвращаюсь в родную четвертую школу. Наверное, мой рассказ о любви к литературе со школьной парты был бы не полным, если не вспомнить с благодарной душой Киру Борисовну Михалёву, увлечённо ведущую в выпускных классах факультатив по современной советской поэзии. Элегантная, всегда одетая с большим вкусом, она была для нас, семнадцатилетних девчонок, эталоном стиля.

Именно с её занятий на всю жизнь запомнились стихи Андрея Вознесенского и Евгения Евтушенко. У нас «сносило башню» как сказали бы сегодняшние старшеклассники, от

этих нескольких строчек:

Бал,
бал,
бал,
Бал на Красной Площади!
Бал в 12 баллов —
Бал выпускников.
Бабушка, вы мечетесь,
Бабушка, вы плачете,
Ваша внучка, бабушка,
Уже без каблуков.

(Е. Евтушенко, «Бал выпускников» из поэмы «Братская ГЭС»)

Кира Борисовна была женой известного архангельского скульптора Валентина Михалёва. По её инициативе ребята нашей школы стали частыми посетителями выставок областного музея изобразительных искусств, работавших в те годы в залах на улице Народной.

Предмет любви хочется понять как можно глубже. С этой целью я поступила на отделение литературы и русского языка историко-филологического факультета Архангельского пединститута.

Каждый из наших преподавателей был уникален и неповторим. Но одно объединяло их – мастерство, не только передавать понимание художественных образов, мыслей и характеров литературных произведений, но и воспламенять

нас, студентов, своей любовью к предмету.

Ведь ещё в послании святого апостола Павла к Коринфянам, сказано: «Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто!»

Блестяще подготовленный к экзамену материал, можно рано или поздно стереть из памяти. Но, вышедшее из глубины горячей любящей души, не забывается никогда.

Наш факультетский кумир, преподаватель советской литературы Шамиль Загирович Галимов, никогда не произносил громких слов о патриотизме. Но надо было видеть его глаза, слышать негромкий проникновенный голос в те мгновения, когда он читал Есенина:

«Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда, -
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.»

Одной из самых обожаемых нами преподавателей была Раиса Васильевна Френкель. Она открыла нам целую вселенную мировой классической литературы, от средневековья до XX века. Энциклопедические знания, блеск интеллекта в сочетании с яркой эмоциональностью и всегда тонким юмором, покорили нас с первых лекций.

Человек редкого обаяния и душевной теплоты, Р. Френкель входила в аудиторию всегда с улыбкой и неизменным

приветствием: «Здравствуйте, друзья мои!» На втором курсе мы, как будущие «сестры запаса», проходили медпрактику в больницах города. Это было с утра. А занятия в институте начинались с 14 часов и продолжались до позднего вечера. Именно это время совпало с началом преподавания у нас Раисы Васильевны. Она была не только потрясающим лектором, но и замечательным переводчиком. Книги в её переводах издавались в академической серии «Литературные памятники». Как драгоценную реликвию, храню я эпическую поэму XIII века «Кудруна» в переводе с немецкого Р. Френкель, подаренную мне 30 лет назад.

Свою страсть по средневековью она передала нам. И мы вместе погружались в чарующий мир рыцарских турниров и подвигов во имя Прекрасной Дамы. Легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола, вдруг стали такими близкими и понятными нам, студентам начала 70-х годом XX века. Ведь любовь и отвага во все времена находят отклик в молодых, горячих сердцах.

И вместе с доблестным Тристаном и златовласой Изольдой мы вкушали «любовный напиток», и предавались той безумной страсти, что сильнее смерти.

А когда зимним вечером, ещё под впечатлением эмоциональных лекций Раисы Васильевны, мы выходили на улицу и шли нашим любимым парком, заснеженные березки и тополя, в вечернем свете фонарей, казалось нам каким-то нездешним, фантастическим явлением.

Литература – это то, что невероятным образом объединяет людей всех времен и народов, возводит мосты через границы государств всей Земли, примиряет конфликты всех поколений, убеждений и религий. В ней живут мгновение и вечность. Но эта связь всегда происходит через наши с вами сердца. Ведь все замечательные произведения писателей и поэтов, живут «осердеченной мыслью» – эти слова мы впервые услышали от нашего любимого преподавателя литературы Шамиля Загировича Галимова.

Наверно, мы, студенты-филологини, выросшие на стихах Блока и романах Тургенева, вряд ли бы обратили серьёзное внимание на суровую прозу великого земляка, а в наши студенческие годы ещё мало кому известного писателя Фёдора Абрамова… Шамиль Загирович, будучи литературным критиком и в то же время, другом Федора Александровича, с увлечённостью, вполне оправданной, обсуждал с нами на занятиях кружка современной советской литературы, каждое выходившее в свет произведение Абрамова. Это были роман «Две зимы и три лета», повесть «Пелагея» и «Алька», рассказы и очерки. Обсуждали мы и первый его роман «Братья и Сёстры». Очень искусно, как истинный мастер ведения дискуссии, преподаватель пласт за пластом, раскрывал всю глубину и сложность характеров героев Абрамова. И мы, городские девчонки, граблей в руках не державшие, выбрали себе идеал – деревенского парня Михаила Пряслина.

В студенческие годы нам посчастливилось побывать в

Верколе: Мы выбрали её сами как заветное место, намечая маршрут диалектологической экспедиции. В этой незабываемой поездке на Пинежье я познакомилась со всеми, живущими в Верколе родственниками писателя и земляками с которых Абрамов писал своих героев.

Фёдор Абрамов вошёл в мою жизнь не только, как писатель, но и как живой неординарный человек. Наша встреча состоялась в гостях у Галимовых, Шамиля Загировича и его старшей дочери Натальи. Это был незабываемый день моей жизни!

С тех пор прошли годы, и я хочу сказать одну важную вещь. Личная, неофициальная встреча с писателем расцвечивает новыми красками, усиливает впечатление от его книг.

После живого общения с автором, находишь в его произведениях то, чего раньше не замечал. Писатель словно говорит с тобой наедине, о самом главном, что не успел сказать, когда встретил тебя на своём пути. И это такое счастье!

Я благодарю судьбу за то, что в ней был и есть Фёдор Абрамов. И в самые трудные минуты жизни, «когда подступает отчаянье», я раскрываю заветную с дарственной надписью книгу «Две зимы и три лета». И вновь, уже в который раз, набираюсь сил от дорогих мне людей, не ждущих милости от суровой жизни. И снова чувствую себя частицей этой не обласканной солнышком, не осыпанной дарами природы, но такой дивно прекрасной земли.

Вальс в ритме дождя

Нынче в моде говорить с иронией о пионерлагерях советских времен. Причем, иронизируют те, кто ни разу там не отдыхал по причине своего малолетства. А туда же! Как в басне Крылова про старого льва: «И я его лягнул, пускай мои копыта знает!»

Сегодня я хочу поделиться воспоминаниями о пионерлагере, где я была на педпрактике вожатой. Наш лагерь располагался в Холмогорском районе. Мне достался один из самых трудных отрядов: старшие девочки (14 – 16 лет). Возраст проблемный, к тому же почти все из неблагополучных семей. Из тех, о ком психологи говорят: над их колыбелью вместо родного лица зияло белое пятно… Были и те, кого называли «сиротами при живых родителях». Учились и жили девочки в интернатах. Я очень беспокоилась, что у меня с ними не будет контакта. Но очень скоро сердечки, лишенные родительского тепла, оттаяли, и мы потянулись друг к другу. В памяти всплывает один случай. Девочка из нашего отряда была склонна к суицидам. И вот как-то перед отбоем бегут ко мне мои девчонки, встревоженные: «Ирина Васильевна! Люська топиться к реке побежала!» Когда за себя страшно, ноги ватные, подкашиваются. А тут, откуда, что и взялось, летела как птица. Догоняю Люсю у самого берега, с которого она уже наладилась прыгать в воду. Я ее за руки подхвати-

ла, стала уговаривать, утешать. А она вырывается из рук, вся дрожит и плачет: «Все равно утоплюсь!» И вдруг я слышу, словно со стороны, свой непохожий голос: «Я сейчас тебя так вздую!!!» Это были самые «доходчивые слова»… Девочка моя сразу затихла. И покорно пошла вместе с остальными в сторону отряда.

Не меньше запомнилось и другое. Уже шла вторая половина августа, и на фоне темных звездных вечеров наши пионерские костры были исполнены какой-то особой романтики. Каждый вечер мы наблюдали роскошное зрелище. Оно сопровождалось ароматом и потрескиванием хвои, фонтаном искр, напоминающих фейерверк. «Не за огонь люблю костер – за тесный круг друзей». А круг друзей, пионервожатых и воспитателей подобрался на редкость замечательный. Мне посчастливилось работать с детьми рука об руку с Екатериной Вальковой, Натальей Горловой, Ольгой Никулинской, они впоследствии стали заслуженными учителями. Воспитателем старшего отряда мальчиков работала заслуженный учитель и мудрый наставник молодежи Майя Анатольевна Носова.

Я невольно сравнивала пионерлагерь моего детства «Юность», что под Анапой. Мы все дни проводили у моря, купались, загорали. Пионервожатые пересчитывали нас перед и после купания в море. А вечером были танцы и кино под открытом небом. Море, солнце, южная природа очень облегчали работу вожатых и воспитателей южных лагерей. А

у нас, на севере, как заладят дожди… А ребят-то надо каждый день занимать, чтоб не скучали, дурака не валяли. Наши пионервожатые и воспитатели были мастерами на всякие выдумки. Что только ни изобретали с детьми: КВНы, викторины, игры в казаки-разбойники, карнавалы, конкурсы, концерты. И все с изюминкой, нестандартно. Что и говорить, на севере в пионерлагерях работать сложней и хлопотней. Каждый вечер после отбоя собирались и всем педколлективом до поздней ночи ломали голову, что на завтра придумать, чтобы детей удивить и порадовать?! И вдруг где-то за неделю до конца смены приходит мне письмо из дому. Родители сообщают, что мне надо завтра же выезжать из Холмогорского района. Нам с моей давней подругой детства ее родители достали путевки на турбазу под Анапой. Зная, что в этом году на Севере лето скверное, они решили: пусть девочки погреются на солнышке, в море покупаются. Мне очень хотелось встречи с давней подругой детства, да и родители за нас все уже решили. Девчонки мои как узнали, что я завтра их покидаю – все в слезы! И я загрустила. Никогда еще от чужих детей не видела столько тепла душевного. И нежность сродни жалости, охватила меня… Они всем отрядом пошли меня провожать до автобусной остановки. И запели нашу любимую: «Вальс в ритме дождя». Поют, а слезинки по щекам так и катятся. Тут я подумала: не беглянка ли я?! Может, надо было отказаться от путевки? Но все поздно. Вот и автобус мой подошел…

То лето было по всей России, и даже на югах, дождливое. Когда приезжаешь на море, покупаться и позагорать, а там «словно из мелких, мелких сит третью неделю моросит», это уже не в какие ворота не лезет! И все звучат в моем мозгу голоса девчонок «Слушай, давай станцуем вальс в ритме дождя»!

Но самая большая неприятность подстерегала нас впереди. В один день, будь он неладным, приезжает к нам из Краснодара некая дама, от матери моей подруги. И заявляет с порога: «Я приехала вас отсюда увезти!» Зачем? Почему??? До конца путевки еще далеко. Тогда дама объясняет, что по России идет холера. Вот уже несколько городов, в том числе Одесса, – на карантине. А если холера доберется до Анапы? В лучшем случае мы засядем на карантине, пропустим месяц учебы в своих институтах. Она как врач, расписала нам все ужасы особо опасной инфекции. И после ее «страшилок» нам уже было все равно…, и мы поехали с ней.

В Краснодаре меня охватила такая тоска по Архангельску и чувство вины перед моими девчонками из отряда, что я взяла билет на ближайший самолет и уехала домой. Кстати, самое удивительное, что ни в Анапе, ни в Краснодаре в то лето холеры не было. Зато в Архангельске, когда я ехала с аэропорта на автобусе, бросился в глаза дом на углу Гагарина и Ломоносова, оцепленный военными с винтовками на перевес. Таких домов, закрытых на карантин, было несколько.

В первый день нового учебного года в институте наша

врач с медсестрой раздавали всем наборы антибиотиков на пять дней как профилактику от особо опасной инфекции. И предупредили, что, если обнаружится хоть один случай заболевания, учебный корпус оцепляют на карантин. Ночевать будем в институте, на спортивных матах, все вместе. Эта новость почему-то у нас вызвала веселое оживление. Но, слава Богу «нас минула чаша сия». Никто не заболел.

Из того далекого лета я извлекла ценный урок. Ничего хорошего не выходит, когда ради приятного и легкого времяпровождения, ты покидаешь тех, кто в тебе так нуждается! Ведь «мы в ответе за тех, кого приручили».

И легла мне на душу песня

На днях зашла меня навестить подруга. За чашкой чая стали мы вспоминать студенческие годы, наших преподавателей, однокурсников. И конечно же песни, с которыми росли, дружили и любили. Ведь наша молодость выпала на 70-е, романтичные, песенные годы. У кого-то они остались в памяти, главными образом, пустыми полками в магазинах. А нам самые счастливые годы молодости запали в душу не содержимым холодильника, а роскошью человеческого общения, звоном гитар во дворах и теми дивными мелодиями, что звучали с больших черных пластинок на наших проигрывателях. В 1976 году стала музыкальной сенсацией всей нашей огромной страны, вышедшая в свет пластинка Давида Тухманова «По волне моей памяти». Мне прислал её из Вильнюса мой литовский друг, преподаватель музыки. Кстати, в той же посылке, вместе с пластинками сонат Чурлёниса и песен Давида Тухманова лежал душистый кусочек туалетного мыла. В те годы туалетное мыло у нас тоже было дефицитом. С грустной улыбкой вспоминаю сейчас «литовский подарок», это соединение, преходящего и главного, вечного…

Но вернёмся в тот недавний вечер, когда «две женщины сидели у окна» и вспоминали любимые песни молодости. Так вот, нам обеим сразу на ум пришла мелодия популярной в 70-е песни «Портрет работы Пабло Пикассо».

Впервые мы услышали её не в родном Архангельске, а в Пятигорске. Потому, что в то лето мы, студентки пединститута, всем курсом поехали поработать на каникулах в совхоз «Бештау» Ставропольского Края. Северный Кавказ с его щедрым солнцем и роскошной природой, очаровал на, северянок, впервые приехавших на юг. Пять дней в неделе мы работали в садах, собирали яблоки, вишни и сливы. А в выходной отправлялись в путешествия по городам Кавказских Минеральных вод. Особенно нас притягивал Пятигорск, Лермонтовские места: Эолова Арфа, Грот княгини Веры, любимой женщины Печёрина. Провал. Ресторация. Место дуэли. Домик Лермонтова и мемориальный музей – всё это до сих пор стоит перед глазами.

Однажды, напитав душу гармонией, мы гуляли по Пятигорску. А откуда-то быть может, из открытых окон кафе, лилась над улицей дивная мелодия, и приятный мужской голос пел:

Мне снится этот сон,
Один и тот же сон.
Он вертится в моём сознании
Словно колесо.
Ты в платьице стоишь,
Зажав в руке цветок.
Спадают волосы с плечей,
Как золотистый шёлк…

Не знаю, чем пленила нас эта незатейливая песенка. Мо-

жет быть, пульсирующим ритмом мелодии. Словно билось сердце влюбленного молодого человека. Состояние такое близкое и понятное… Ведь в двадцать лет все мы были в кого-то влюблены. В песне звенела печаль разлуки и несбывшаяся мечта о счастье…

Мне снятся вишни губ
И стебли белых рук.
Прошло всё, прошло,
Остался только этот сон…
Остался у меня
На память от тебя
Портрет твой
Портрет работы Пабло Пикассо…

К сожалению, песню эту всё реже и реже доводилось услышать по радио или с экрана телевизора. А потом она исчезла совсем. У меня с тех лет сохранилась пластинка, – призналась подруга,– только я отвезла её на дачу. И вот мы едем на дачу. Включаем старенький проигрыватель «Юность». Крутится чёрный диск. И с каждым, знакомым до боли сердечной, звуком, всё ближе и ближе наша далёкая юность.

– Песня как волшебный ключик в мир прожитых лет, с их чувствами, событиями, встречами. Мы поворачиваем этот ключ, и в миг переносимся через годы и расстояния.

Работа в редакции «Правды Севера» давала мне счастливую возможность ездить в командировки по всей нашей огромной области, встречаться с удивительными людьми–

самородками. Много было таких встреч за годы работы в газете. Сейчас в памяти всплывает самое – самое… Город Каргополь, заснеженный, вьюжный. Закованная в лёд Онега. Убелённые инеем купола церквей. Столбики дыма над крышами домов… И как подарок судьбы – встреча с Марией Хволынской, женщиной-легендой, собравшей и знающей на память почти все две с половиной тысячи частушек. Дочь священника, она учила детей грамоте в сельских школах. С котомкой за плечами, в которой умещалось всё её добро, она странствовала от села к селу. Потому, что как только становилось известным, что учительница эта – попова дочка и сама глубоко верующий человек, её лишали права учить детей в школе. И она снова искала место, где её никто не знает.

На склоне лет Мария Хволынская поселилась в Каргополе. Вырастила возле дома своего сад из 33 яблонь. От этого сада осталась одна единственная яблонька, что стоит напротив калитки её дома.

Я приехала к Марии Васильевне в морозном декабре. Меня встретила меленькая, хрупкая женщина, словно ожившая из сказки Крошечка-Хаврошечка. И была искренне рада нежданной гостье. Одетая в огромные серые валенки и теплый платок, повязанный концами за спину, она поразила меня голубым сиянием не по годам живых и ясных глаз. В них то и дело вспыхивала лукавая улыбка. Неожиданно она забралась на низенькую табуретку и запела:

Много горюшка у девушки

А виду не кажу
Отвернуся да утруся
Вновь веселая хожу.

…На прощанье Мария Хволынская перекрестила меня и сказала, значительно: «Знаешь, какой самый большой грех? – Жизнь не любить».

…Опять и опять возвращалась я в город Каргополь, благодатное место, щедрое на одаренных людей. Писала в газету зарисовки и очерки о каргопольских мастерицах, ткачихах и кружевницах, о замечательных сельских учителях. Но до сих пор самым ярким воспоминанием живёт в душе встреча с Марией Хволынской.

Где-то в 80-е годы по радио стала звучать песня «Каргополочка» (музыка В. Борисова на стихи Д. Сухарева) Она как-то сразу легла мне на душу:

«Город Каргополь, да город не велик,
Но забыть его мне сердце не велит.
Он хотя и мал слегка,
Но Онега велика
…
Так и вижу: на Онеге белый лед
Так и слышу: каргополочка поёт.

Всё реже удаётся мне где-то услышать эту песню. Но теперь она звучит в моей душе. И оживают каргопольские впечатления. И маленькая хрупка женщина в скромненьком сером платочке делится со мной сокровищами своей большой

прекрасной души.

Радио – любовь моя

На полотне воспоминаний видится мне такая картина. Мы, девчонки-первокурсницы, только что поступившие на истфил АГПИ, приехали в колхоз, на картошку. В деревне, куда нас поселили на время сельхоз работ, осенью 1968 года ещё не было проведено электричество. И о том, что на дворе вторая половина XX века, напоминал только радиоприемник, который не выключался весь день.

Уставшие после работы, непривычной для городских девушек, мы сидели на лавке в деревенской избе. Отдыхали. А по радио передают балет Чайковского «Лебединое озеро». Звучит увертюра, тема лебедя. Музыка завораживает нас, приводит в состояние трепетного ожидания чего-то неведомого… И вдруг в этот момент – стук в дверь. Что за гости запоздалые в столь поздний час? Это, наверное, ко мне, говорит хозяйка и спешит в сени. Мы сидим на своей лавке. Слышим мужские голоса. В избу входят двое. Это наши ребята с истфила. Пришли из соседней деревни, где по домам разместили парней. Их появление для нас было неожиданностью. Надо же идти в такую даль, да ещё к незнакомым девчонкам в кромешной тьме, в которую осенними вечерами погружалась деревня и дорога через лес. А мы, наивные, даже чаю не решились им предложить. Боялись хозяйки, а она молчала, как в рот воды набрала. Наверное, ждала, что парниш-

ки наши сами что-то принесут… Но никому в такой ненастный вечер выходить из дому больше не хотелось. Мы так и остались сидеть за пустым столом. А музыка Чайковского всё звучит и звучит, наполняя пространство избы, освещенное керосиновой лампой, какой-то колдовской энергетикой. Внезапное волнение и чувственная дрожь передаются друг другу… Наверное, если бы в тот вечер по радио не прозвучало «Лебединое озеро» Чайковского, встреча с однокашниками в глухой северной деревеньке не произвела бы на нас такое сильное впечатление. Как молоды мы были в ту далёкую осень! У кого-то после этой встречи завязался студенческий роман, а у кого-то зародилась взаимная душевная симпатия на всю жизнь. И уже потом, спустя годы, на встречах выпускников истфила, в наших воспоминаниях студенческой жизни, неизменно яркой вспышкой высвечивался этот эпизод: деревенская изба в полумраке керосиновой лампы, а по радио звучит музыка из «Лебединого озера»…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.